
Андрей Тюхтяев

ЗНАНИЕ НАУЧНОЕ И СТИГМАТИЗИРОВАННОЕ: ОСОБЕННОСТИ КОНКУРЕНЦИИ РЕЛИГИИ НЬЮ-ЭЙДЖ И АКАДЕМИЧЕСКОЙ АРХЕОЛОГИИ ЗА ЛЕГИТИМНОСТЬ

Статья посвящена проблеме конкуренции между последователями религии нью-эйдж и официальными академическими институциями в лице археологов. Связана она с попытками некоторых активистов в рамках паломничества к археологическим памятникам переопределить создаваемые государственными акторами понятия и иерархии. Показано, каким образом происходит взаимодействие дискурсов, свойственных этим двум группам, на примере обращения представителей альтернативной религиозности к научному знанию. Специфика подобного взаимодействия определяется двумя факторами. Во-первых, для религии нью-эйдж свойственна оппозиционность по отношению к официальным властным институтам. Во-вторых, в связи с секуляризацией и утратой религией монополии на производство знания различные религиозные группы обращаются к науке с целью легитимировать собственные убеждения. Именно поэтому для последователей религии нью-эйдж научные данные и элементы академического дискурса оказываются ресурсом для создания собственной экспертной индустрии. Обращение последователей нью-эйдж к науке основано на специфической логике, лежащей в основе вании «стигматизированного знания». Носители идей нью-эйдж, обращаясь к науке, делают это таким образом, чтобы одновременно легитимировать собственный статус и подвергнуть сомнению статус академии. Для нью-эйдж оказывается важным подчеркнуть факт стигматизации со стороны властных институтов, поскольку это является подтверждением истинности собственных убеждений. В результате альтернативные эксперты в различных дискурсивных практиках разыгрывают воображаемую дискуссию с учеными. В этой дискуссии первые всегда оказываются победителями за счет того, что приписывают ученым идеи, которых те

Андрей Ефимович Тюхтяев – аспирант, Европейский университет в Санкт-Петербурге, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург, Россия. Электронная почта: atiukhtiaev@eu.spb.ru

не придерживаются, исходя из критерия несоответствия базовым принципам мировоззрения последователей нью-эйдж. К таким принципам относятся представление о существовании в прошлом человечества «золотого века», а также холистическое мировоззрение, предполагающее единство духовной и материальной сторон жизни. Отвергая легитимный статус академической науки, альтернативные эксперты отказываются и от тех понятий, которые навязываются им со стороны представителей официальных институтов. Стремясь выйти за пределы категории «религия», последователи нью-эйдж в лице альтернативных экспертов нередко позиционируют себя как научный проект.

Ключевые слова: стигматизированное знание, нью-эйдж, паломничество, места силы, дольмены, археология

DOI: 10.17323/727-0634-2018-16-2-265-278

Конкуренция за владение символическими ресурсами и легитимность между различными социальными группами и институтами зачастую оказывается не менее важной, чем борьба за ресурсы физические. Проблема легитимности становится особенно актуальной в ситуации пересмотра границ социальных категорий. Религия, наука или политика – это не раз и навсегда установленные понятия, напротив, значения, которые вкладывают в них разные люди и группы, варьируются (Beckford 2003). В поле социальных институтов и практик религия далеко не всегда занимает периферийные позиции, которые ей предписывает секулярная логика, но стремится выйти за пределы этих границ, пересмотреть сложившиеся конвенции. В связи с этим изучение процессов пересмотра карты социального праксиса оказывается важным для понимания самых различных явлений – религиозных, политических или научных.

Конкуренция за легитимность между различными типами знания становится заметной, в частности, в поле истории и археологии. Представители государственных научных учреждений обеспокоены утратой монополии на создание исторических нарративов и интерпретаций, что видно на примере использования археологических памятников организаторами и симпатизантами различных возрожденческих движений (Шнирельман 2013). Памятники древности нередко интерпретируются в русле альтернативной истории, что привлекает к ним людей, скептически относящихся к тому историческому знанию, которое транслируется государством и академическими учреждениями. Изучение соперничества разных типов исторического знания разворачивается в контексте использования археологических памятников позволяя понять, каким образом традиционалистские группы пытаются переопределить иерархии и категории, создаваемые связанными с государством акторами.

В этой работе я сосредоточусь на теме конкуренции между представителями академических учреждений и носителями идей нью-эйдж, которая

будет рассматриваться на примере паломнических путешествий к так называемым местам силы. Нью-эйдж в среде антропологов, социологов и религиоведов является зонтичным термином, объединяющим различные проявления религиозной жизни, не привязанные к конкретным конфессиям и сами по себе не образующие какой-либо единый институт (см.: Wood 2013). Идеи нью-эйдж в основном носят эзотерический характер, но при этом сочетают в себе информацию из разных источников, в том числе научных, философских, религиозных. Синкретичность религии нью-эйдж объясняется тем, что она является частью явления, иногда обозначаемого как «окультурная культура» или «окультура», в рамках которого вырабатываются специфические подходы к производству и потреблению знаний (Asprem, Dyrendal 2015). Объединяет эти знания то, что они стигматизируются официальными властными институтами, в частности академической наукой.

Практика поездок к местам силы является важной частью религии нью-эйдж, в рамках которой создаются площадки для распространения стигматизированного знания. «Места силы» (*power places*) – термин, который появился в среде последователей нью-эйдж, но постепенно стал использоваться в академических текстах. Когда какой-то локус или объект называют местом силы, то предполагают наличие в нем потенциала для духовного (*spiritual*) развития. Этот потенциал связывается с аутентичностью самого места, поскольку оно имеет в воображении ньюэйджеров устойчивую связь с образами древности. Вокруг такой практики развернулась индустрия, представители которой позиционируют ее как «эзотерический» или иногда «экологический» туризм (Arellano 2007). Локусами для подобных паломничеств могут служить природные объекты, древние храмы, археологические памятники. Популярными «местами силы» являются археологические и архитектурные комплексы Стоунхендж, Гластонбури и Авебури в Великобритании, красные скалы Седоны в США, гора Улуру в Австралии и др. В России такими местами за последние двадцать с лишним лет стали, например, территория вокруг раскопок индоевропейского поселения Аркаим (Шнирельман 2011) и деревня Окунево в Омской области (Селезнев 2014). Еще одним популярным местом паломничества последователей нью-эйдж являются дольмены – мегалитические сооружения эпохи Бронзового века, расположенные на Северо-Западном Кавказе.

Паломничество к дольменам во многом спровоцировано книгами серии «Звенящие кедры России», автором которых является предприниматель Владимир Мегре. Его книги послужили импульсом для появления религиозного движения «Анастасия» – одного из ярких и наиболее заметных нью-эйдж движений на постсоветском пространстве (см.: Андреева 2015). По сюжету первой книги автор встречает в сибирском лесу загадочную женщину Анастасию, которая оказывается представительницей древней цивилизации. Нарративная модель, используемая Мегре, напоминает книги Кастанеды об общении с Доном Хуаном. Мегре излагает

диалог с Анастасией и изображает себя наивным и невежественным человеком «технократического» мира, честно пытающимся зафиксировать и передать другим «мудрость древних». Во второй книге серии «Звенящие кедры России» содержится описание святынь, находящихся на территории Краснодарского края близ города Геленджик. Под этими святынями подразумевались дольмены, к которым впоследствии и поехали читатели Мегре. Подобная инициатива мотивировалась возможностью приобщиться к «мудрости предков» при помощи мегалитических сооружений и была с энтузиазмом подхвачена анастасийцами (Андреева 2014).

Сегодня среди участников нью-эйдж паломничества к дольменам последователи движения «Анастасия» уже не составляют большинство. Там можно встретить людей, которые могут и вовсе не относиться к какому-либо конкретному сообществу. Однако участники паломничества все же разделяют некоторые общие идеи и принципы, характерные для религии нью-эйдж. К таковым относятся представление о единстве духовного и материального мира – холистическое мировоззрение (Hanegraaff 1996: 119–152), убеждение в существовании в прошлом золотого века человечества (Bowman 1995), а также антитехнократизм и стремление жить вдали от городов. Подобные представления отражены как в нарративах паломников, которые фиксируются в интервью, так и в многочисленных брошюрах, книгах, фильмах, песнях, создаваемых участниками паломничества. Продукты творчества последователей нью-эйдж широко распространены в интернете и в среде нью-эйдж паломников – в книжных лавках, кафе, чайных барах, расположенных вблизи дольменов.

Некоторые авторы пользуются популярностью среди паломников. Многие из них работают экскурсоводами в туристических фирмах черноморского побережья Краснодарского края (главным образом в г. Геленджик). Кроме экскурсоводов есть те, кто организуют походы к дольменам неформально, используя социальные сети, блоги или распространяя информацию о себе непосредственно возле палаточных лагерей, куда в курортный сезон стекаются тысячи паломников. Неофициальные экскурсоводы нередко называют себя «проводниками». Впрочем, граница между экскурсоводами и проводниками условна, поскольку первые могут организовывать походы и лекции помимо своей основной работы.

Пользующиеся популярностью среди паломников люди образуют в контексте паломничества локальную индустрию знания, противопоставленную официальным источникам информации, прежде всего, академической науке. Однако несмотря на такую оппозиционность, последователи нью-эйдж активно обращаются к научным данным и элементам академического дискурса. Взаимодействие дискурсов, принадлежащих этим группам и является предметом статьи. Меня будет интересовать то, каким образом выстраиваются взаимоотношения академического и нью-эйджерского дискурса в контексте паломничества к дольменам. В качестве

материала выступают записи экскурсий и лекций, а также интервью с представителями индустрии альтернативного знания.

Аналитические инструменты

Концепт стигматизированного знания был предложен американским исследователем конспирологического мышления Майклом Барканом (Barkun 2013). К стигматизированному знанию Баркан относит такие утверждения, сторонники которых убеждены в их верности, несмотря на отрицание со стороны властных институтов. Последние используют определенные методы верификации, предполагающие, что информация делится на истинную и ошибочную. Знания, которые не соответствуют критериям истинности, принятым официальными институтами, обозначаются в качестве неверных (Ibid: 26–27). Среди примеров таких знаний Баркан упоминает конспирологические нарративы, алхимию, астрономию, народную медицину, а также веру в существование древней цивилизации, чья мудрость превосходит современную. Баркан называет последнее «забытым знанием» (Ibid: 27). Именно с ним мы имеем дело, когда речь заходит о дольменах и вообще о путешествиях к «местам силы», предполагающим веру в «золотой век».

Баркан, руководствуясь описанным принципом определения стигматизированного знания, стремится очертить круг подобных источников, а также показывает, что стигматизированное знание активно проникает в информационный мейнстрим. Сюжеты об инопланетных цивилизациях, золотом веке и сверхъестественных способностях можно встретить на популярных медиа-площадках, включая государственные. Однако я хотел бы обратить внимание на одну характеристику стигматизированного знания, которую Баркан упоминает скорее вскользь, а именно тенденцию носителей подобного знания доверять любой информации, находящейся в оппозиции к мейнстриму (Barkun 2016: 2). Человек, который, например, с симпатией относится к конспирологическим нарративам, склонен также доверять и стигматизированному знанию другого рода, включая миф о золотом веке. Иными словами, факт стигматизации того или иного знания со стороны официальных властных институтов может служить аргументом в пользу самого стигматизированного знания. В итоге стигматизированное знание представляет собой специфический информационный домен, который ложится в основу многих социальных практик, одной из которых является нью-эйдж паломничество.

При этом научные работы, данные и термины – это не только нечто, в отношении чего альтернативное знание находится в оппозиции, но и важный источник, обращение к которому можно использовать как стратегию легитимации собственных аргументов. Говоря о стратегиях легитимации, я подразумеваю основанный на веберовской идее о способах легитимации авторитета термин, предложенный религиоведом Джеймсом Льюисом. Если

для Вебера предметом исследовательского внимания являлась политическая власть, которая легитимируется отсылкой к традиции, харизме и легальности (рациональности), то Льюис адаптировал эту триаду для изучения современной религиозности. Поскольку в ходе секуляризации религия утратила монополию на производство смыслов и во многом уступила роль арбитра, решающего, что истинно, а что нет, науке, она стала использовать последнюю для легитимации собственных представлений (Lewis 2010). Льюис полагает, что и традиция, и наука не только в лице конкретных акторов или институтов, но и как категории социального воображения имеют свои харизмы, а разные стратегии легитимации сочетаются друг с другом. Эта мысль справедлива по отношению к альтернативной археологии, которая рассматривается Джеймсом Льюисом в качестве одной из иллюстраций его идей. Различные религиозные группы обращаются к археологии потому, что она ассоциируется с древностью, а знания, ей создаваемые, отсылают к определенной традиции, с которой связаны верования того или иного сообщества (Lewis 2012).

Дискурс академических археологов

Для академической археологии дольмены являются интересным и одновременно сложным объектом изучения. На Северо-Западном Кавказе эти сооружения строились на протяжении III–II тысячелетий до н. э. При этом строительство подобных мегалитов являлось распространенной традицией, и сейчас их останки можно обнаружить на территории от Северной Европы до Индии, а также в северной части Африки (Марковин 1978: 3). Культура, построившая дольмены на Северо-Западном Кавказе, не имела письменности либо не оставила письменных памятников. Это обстоятельство затрудняет интерпретацию материала, обнаруженного в культурном слое. Существует множество гипотез о функциях мегалитических сооружений, но большинство из них сводится к тому, что дольмены являлись погребальными культовыми сооружениями, то есть использовались для захоронений и, возможно, совершения каких-то иных ритуалов (Трифонов 2009).

Для археологов остро стоит проблема не только изучения дольменов, но и их музеефикации как археологических памятников. Много внимания этому уделяет археолог, главный научный сотрудник Института истории материальной культуры РАН (Санкт-Петербург) Виктор Трифонов. Одна из его работ непосредственно посвящена проблемам, связанным с музеефикацией дольменов. В числе многих Трифонов выделяет следующие:

Особенно разрушительными для древних каменных сооружений являются костры, которые туристы бесконечно разводят вблизи памятников, и разного рода ошибочно понимаемое «благоустройство» дольменов и окружающей их территории членами различных оккультных сект и псевдонаучных движений (Куликова, Трифонов 2001: 94).

Под «членами оккультных сект» и «псевдонаучных движений» Трифонов подразумевает нью-эйдж паломников, чье присутствие возле дольменов в виде стихийных (а иногда и специально организованных) палаточных лагерей и коммерческих инициатив – кафе, сезонных школ йоги, семинаров и тренингов по духовному развитию – хорошо заметно. Представитель академической археологии тем самым исключает участников паломничества к дольменам из проекта музеефикации, видя в них негативное явление и помещая их в категорию «религия», причем в качестве маргинального и патологического ее проявления. Кроме того, вероятно, реагируя на претензию нью-эйдж на научность, Трифонов видит в нем «псевдонауку», то есть знание, не соответствующее академическим нормам. Подобные рассуждения характерны для многих археологов и представителей других академических дисциплин (Андреева 2014: 77–79). Потому неудивительно, что в случае профессиональной рефлексии о проблемах музеефикации памятников нью-эйдж паломники оказываются одной из существенных проблем.

«Это главный научный факт, что бы ученые ни говорили»: дискурс нью-эйдж

Работы Трифонова и другого археолога, связавшего научную карьеру с изучением дольменов, Владимира Марковина хорошо известны альтернативным экспертам. Большинство альтернативных экспертов имели опыт контакта с академическими учреждениями, а некоторые даже работали в них. Среди моих информантов, например, бывший полевой археолог и бывший учитель истории. Многие имеют высшее образование. Некоторые носители стигматизированного знания обладают навыками выстраивания аргументации и использования терминологии, свойственными академическому дискурсу. Альтернативным экспертам оказываются известны правила игры, принятые в академической науке, а также те категории («оккультные секты», «псевдонаука»), в которые помещаются участники паломничества к дольменам.

Согласно Джеймсу Льюису, обращение к науке для носителей различных форм религиозности является сегодня важной и привлекательной стратегией легитимации. В случае дольменов в частности и нью-эйдж путешествий к «местам силы» в целом привлечение академического дискурса становится актуальным еще и потому, что сами места силы зачастую являются археологическими памятниками. Обращение к научным текстам может выражаться в ссылке на труды академических археологов, описании проводимых ими экспедиций. Большинство альтернативных экспертов заимствуют термины, используемые археологами, а также классификацию дольменов, созданную Марковиным.

Научное знание и элементы академического дискурса становятся материалом для создания альтернативных гипотез. Другими словами, эксперты,

являющиеся последователями нью-эйдж, заимствуют некоторые идеи и находки археологов для собственных построений. Так, Марковин в одной из своих работ пишет о наличии у строителей дольменов культа рода и имеющего к нему непосредственное отношение культа плодородия. Эти культы воплощаются, по мнению археолога, в солярных и фаллических символах, которые можно обнаружить в виде барельефов и рисунков на поверхности дольменов (Марковин 1978: 215). Подобный материал альтернативные эксперты заимствуют как доказательство собственных суждений, в которых культ рода помогает апеллировать к традиции. Наличие культа рода они считают одной из важнейших составляющих «веры предков», необходимость «возрождения» которой также является отправным пунктом в любой альтернативной версии происхождения и назначения дольменов.

При помощи подобных отсылок обосновываются различные утверждения последователей нью-эйдж: помимо апелляции к традиции «золотого века», это и необходимость духовного развития, и критика современного миропорядка. Зачастую для паломников знание, транслируемое экспертами, позволяет легитимировать их собственные убеждения и предоставляет материал для интерпретации паломнического опыта. Рассказ о дольменах, подкрепленный специфической интерпретацией научных сведений, призван подтвердить, что мегалиты являются местами силы и обосновать эффективность различных практик, будь то йога или праздники в честь славянских богов.

Подобное экспертное знание Воутер Ханеграаф называет «нью-эйдж наукой». Она противопоставляет себя «старой», то есть академической науке как нечто прогрессивное и отвечающее запросам современности. Ханеграаф, говоря о проекте нью-эйдж науки, пишет, что главным критерием разделения легитимного и нелегитимного научного знания в ней является соответствие холистическому мировоззрению (Hanegraaff 1996: 62–64). Нью-эйдж видит научное знание как то, что способствует, например, не просто изучению истории, но изучению истории с целью духовного развития, а точнее подтверждению тех идей, которые лежат в основе ньюэйджерских практик, направленных на духовное развитие.

В соответствии с логикой стигматизированного знания, для его носителей подобная оппозиция между «старой» и «новой» науками (будем называть их «академия» и «альтернатива») является доказательством собственной правоты. Поскольку стигматизируемость знания, транслируемого альтернативными экспертами, играет роль аргумента в пользу убеждений самих ньюэйджеров, то возникает потребность постоянно воспроизводить противоречие между академией и альтернативой. Эта потребность удовлетворяется в различных дискурсивных практиках, будь то лекция в рамках экскурсии, либо беседа (в том числе в формате интервью), в которых разворачивается воображаемая дискуссия с археологами. Спор альтернативных экспертов с академической археологией имеет две черты. Первая видна в примере, взятом из записи одной экскурсии:

Изначально наука говорит: «дольмены строили неграмотные люди, боящиеся сил природы». Да, это действительно была эпоха Бронзы. Древнейший человек не знал железа. Но давайте посмотрим, настолько ли он был неграмотен. Передняя стеночка – это трапеция, она симметрична и пропорциональна. За счет трапеции передней и задней стенки всему сооружению придана форма усеченной пирамиды, очень устойчивая форма. За эти тысячи лет были тысячи землетрясений. В любое из них это сооружение могло сложиться как карточный домик, но этого не произошло. В этом тоже есть гениальная мысль строителей (Экскурсия в пос. Пшада. 7.08.15).

Как видно, академии приписывается взгляд на дольменостроителей как на «диких» людей, неспособных на создание сложных архитектурных конструкций. Альтернативные эксперты, сообразно своему представлению об эволюционной теории, вменяют науке видение любой древней культуры как нецивилизованной, «дикой». Вторая черта: для альтернативных экспертов суть гипотезы археологов о назначении дольменов сводится к погребальной функции:

Сделай акцент, что это гробы, да, как говорят большинство наших археологов, ну и такое же отношение, да, к дольменам, да. Ну гробы, ну погребальные сооружения, все, туда-сюда. А то, что это необычные сооружения, что это древние святилища, к которым трепетно относились не только наши предки, но и другие вообще поколения живших здесь племен вплоть до восемнадцатого века, это о чем-то говорит? (Валентина, 45 лет, г. Геленджик).

Для альтернативных экспертов свойственно намеренное переключение с академических терминов («погребальные сооружения») на более обычные понятия и клише. Из цитаты видно, что информантка владеет обоими вариантами дискурса, переключается между ними и изображает версию археологов в нужном для себя ключе. Подобный прием позволяет отрицать возможности того, что сами археологи видят в дольменах культурные, то есть сакральные сооружения. Однако если обратиться к работам того же Трифонова, то можно убедиться в обратном:

...дольмены Западного Кавказа являются одним из ранних проявлений традиции культового каменного строительства, для которой характерна регулярная многоярусная кладка из квадров, псевдокупольные конструкции, использование развитой формы колонн как опоры перекрытий, рельефного декора фасадных поверхностей, декорированных стел и зооморфной круглой скульптуры. <...> К этому следует добавить, что, судя по размерам, планировке и отделке некоторых дольменных комплексов, они выполняли функцию общественных сооружений – святилищ и даже храмов (Трифонов 2009: 161).

Здесь видно, что Трифонов, который в глазах альтернативных экспертов является одним из главных представителей академии, фиксирует, что дольмены имеют сложную конструкцию, для создания которой необходимы соответствующие навыки и уровень развития культуры, а погребальная

функция для археолога сочетается с культовым характером мегалитических сооружений и никак не исключает его. Впрочем, иногда это противоречие в некоторой степени снимается, как в следующем примере:

По поводу того, как строили. И кто вообще такие люди эти тогда? По всему видно, даже сам Марковин говорит. Хоть он и говорит, что строили их с помощью бычьей силы, собирали эти сооружения, но также он пишет, что по всему видно, что эти люди были не дикие угрюмые звери, а они обладали огромными знаниями, и силой мысли, и скоростью мысли. У них были и архитектурные знания, и математические, и дизайнерские (Экскурсия в пос. Возрождение. 5.08.15).

Хотя экскурсовод признает, что Марковин не считал дольменостроителей «дикарями», фраза «даже сам Марковин говорит» здесь свидетельствует о том, что археолог исключается из числа легитимных экспертов. Его позиция в данном случае изображается как вынужденная. Тем самым альтернативный эксперт подчеркивает, что мнение упомянутого археолога является скорее исключением, нежели правилом, а идея о высоком уровне развития культуры дольменостроителей принадлежит альтернативе.

Создаваемое альтернативными экспертами противоречие позволяет не только убеждать себя и своих потребителей в истинности производимого знания. Не менее важна здесь идейная составляющая этого противоречия. Приписываемые археологам утверждения «дольмены – гробы» и «дольменостроители – дикари» указывают на то, что в представлениях последователей нью-эйдж академическая наука оказывается, во-первых, носителем упрощенной и прямолинейной идеи эволюции, а, во-вторых, ей приписывается неспособность понять то, что дольмены являлись сакральными сооружениями для построившего их общества. И то, и другое отсылает к двум важным составляющим религии нью-эйдж – представлению о золотом веке и холистическому принципу. В первом случае идея эволюции трактуется максимально радикально. Любое древнее общество, согласно подобной логике, оказывается «диким», что позволяет отчетливо противопоставить этой идее веру в существование «золотого века», помещающую идиллическое состояние человечества в прошлое. Во втором случае альтернатива подчеркивает разделение между духовным и материальным, присущее академическому знанию. Эта идея также понимается радикально. Академическая наука в этом случае лишается способности как-либо интерпретировать духовную составляющую жизни изучаемых ею культур. Таким образом, это противоречие затрагивает наиболее важные для религии нью-эйдж идеи, которые в дискуссии с археологами приобретают легитимный статус.

Заключение

Стигматизированное знание – в данном случае индустрия альтернативного знания, функционирующая в паломничестве к дольменам, – принимает

стигму как аргумент в свою пользу и, поддерживая ее, создает противоречие между собой и академией с целью подчеркнуть неправоту последней. Обращение к науке характеризуется приписыванием академической археологии идей, которых она не придерживается. Тем самым создается противоречие, которое затем проигрывается в дискурсивной практике воображаемой дискуссии. Альтернативные эксперты в экскурсиях, лекциях и беседах воспроизводят полемику с отсутствующими представителями официальной науки, которые неизменно оказываются побежденными. И, что важно, подобный прием оказывается стратегией легитимации, позволяющей оспорить монополию академии на производство смыслов, а за собой сохранить право использовать элементы академического дискурса и научные данные для создания собственных построений. Оспаривая монополию академии, индустрия альтернативного знания не только легитимирует свой статус, но также отвергает те ярлыки, которые навязываются ей со стороны властного института (в данном случае науки). Нью-эйдж таким образом стремится выйти за пределы категории «религия», позиционируя себя как научный проект.

В рамках паломничества к дольменам рассмотренные способы легитимации альтернативной истории, как и приверженность к такого рода знанию, характерны для большинства экскурсоводов. Стигматизированное знание находит свой спрос, а производимые официальными научными учреждениями интерпретации практически никак не представлены. Исследователи альтернативной истории отмечают ее популярность на уровне медиа и рынка книжной продукции, тиражи писателей в жанре фолк-истории значительно превосходят академические издания (Laruelle 2012; Melleuish et al. 2009). В свою очередь, этнографический контекст функционирования альтернативных исторических нарративов демонстрирует не только востребованность подобного рода продукции, но и иницилируемые снизу процессы переопределения социальных категорий и статусов.

Список источников

Андреева Ю. О. (2014) «Места силы», «духи дольменов» и «знания первоистоков»: археологические памятники и движение New Age «Анастасия». *Этнографическое обозрение*, (5): 73–87.

Андреева Ю. О. (2015) «Творить рай на земле»: культ земли и природы в новом религиозном движении «Анастасия». Ж. К. Кормина, А. А. Панченко, С. А. Штырков (ред.) *Изобретение религии: десекуляризация в постсоветском контексте*. СПб: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге: 163–185.

Куликова О. П., Трифонов В. А. (2001) Как сохранить дольмены – культурное наследие древних народов Западного Кавказа. Ю. Ю. Пиотровский (ред.) *Дольмены, современники древних цивилизаций*. Краснодар: Краснодарское книжное издательство: 92–103.

Марковин В. И. (1978) *Дольмены Западного Кавказа*. М.: Наука.

- Селезнев А. Г. (2014) Новая мифология истории: архетип «древних цивилизаций» и сакральный центр в районе деревни Окунево. *Этнографическое обозрение*, (5): 41–59.
- Трифонов В. А. (2009) Дольмены в долине реки Жане. Н. А. Макаров (ред.) Археологические открытия. 1991–2004 гг. Европейская Россия. М.: ИА РАН: 115–128.
- Шнирельман В. А. (2011) Аркаим: археология, эзотерический туризм и национальная идея. *Антропологический форум*, (14): 133–167.
- Шнирельман В. А. (2013) Национализм и археология. *Этнографическое обозрение*, (1): 8–24.
- Arellano A. (2007) Religion, Pilgrimage, Mobility and Immobility. D. Raj, N. D. Morpeth (eds.) *Religious Tourism and Pilgrimage Festivals Management: An International Perspective*. Walingford: CABI: 89–97.
- Asprem E., Dyrendal A. (2015) Conspirituality Reconsidered: How Surprising and How New is the Confluence of Spirituality and Conspiracy Theory? *Journal of Contemporary Religion*, 30 (3): 367–382.
- Barkun M. (2013) *A Culture of Conspiracy: Apocalyptic Visions in Contemporary America*. Berkley, CA: University of California Press.
- Barkun M. (2016) Conspiracy Theories as Stigmatized Knowledge. *Diogenes*: 1–7.
- Beckford J. A. (2003) *Social Theory and Religion*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Bowman M. (1995) The Noble Savage and the Global Village: Cultural Evolution in New Age and Neo-pagan Thought. *Journal of Contemporary Religion*, 10 (2): 139–149.
- Hanegraaff W. J. (1996) *New Age Religion and Western Culture*. Leiden: Brill.
- Laruelle M. (2012) Conspiracy and Alternate History in Russia: A Nationalist Equation for Success? *The Russian Review*, 71 (4): 565–580.
- Lewis J. R. (2010) The Science Canopy: Religion, Legitimacy, and the Charisma of Science. *Temenos. Nordic Journal of Comparative Religion*, 46 (1): 7–29.
- Lewis J. R. (2012) Excavating Tradition: Alternative Archaeologies as Legitimation Strategies. *Numen*, 59 (2–3): 202–221.
- Melleuish G., Sheiko K., Brown S. (2009) Pseudo History/Weird History: Nationalism and the Internet. *History Compass*, 7 (6): 1484–1495.
- Wood M. M. (2013) *Possession, Power and the New Age: Ambiguities of Authority in Neo-liberal Societies*. Burlington: Ashgate.

Andrei Tiukhtiaev

STIGMATISED AND SCIENTIFIC KNOWLEDGE: SOME CHARACTERISTICS OF COMPETITION FOR LEGITIMACY BETWEEN NEW AGE AND ACADEMIC ARCHAEOLOGY

This paper deals with the issue of contestation between followers of New Age religion and official academic institutions (primarily archaeological ones). Their contestation is related to the attempts of some activists to redefine categories and hierarchies created by state actors. What is examined is how the discourses of two groups interrelate, using the example of appealing to academic discourse by alternative religiosity. Specific features of such interrelation are determined by two factors. Firstly, New Age religion is characterised by opposition to the official authoritative institutions. Secondly, due to secularisation and the loss of monopoly on the production of knowledge by religion, different religious groups appeal to science in order to legitimate their beliefs. This is the reason why this appeal to the archaeological data and elements of academic discourse turns out to be an important resource in creating the knowledge production industry. The appeal to science is based on the specific logic of 'stigmatised knowledge'. While New Age religion followers as representatives of alternative knowledge have to appeal to science, they do it in a way that allows them to challenge the status of academy. Furthermore, in doing this they also legitimate their own status. As a result, alternative experts perform an imagined discussion with representatives of academic institutions. In this discussion, the alternative experts win because they falsely ascribe ideas to scholars that they do not actually hold. Rejecting the legitimate status of academic science, alternative experts at the same time reject categories that are credited to them by official institutions. Thus, New Age followers seek to go beyond the category 'religion'.

Keywords: stigmatised knowledge, New Age, pilgrimage, power places

DOI: 10.17323/727-0634-2018-16-2-265-278

References

- Andreeva Y. O. (2014) 'Mesta sily', 'dukhi dol'menov' i 'znaniya pervoistokov': arkhelogicheskie pamyatniki i dvizhenie New Age 'Anastasiya' ['Places of Power', 'Spirits of Dolmens' and 'Pristine Knowledge': Archaeological Monuments and the New Age Movement 'Anastasia']. *Etnograficheskoe Obozrenie* [Ethnographic Review], (5): 73–87.
- Andreeva Y. O. (2015) 'Tvorit' ray na zemle': kul't zemli i prirody v novom religioznom dvizhenii 'Anastasiya' ['Creating Paradise on Earth': the Back to Nature Concept in the New Religious Movement 'Anastasia']. Z. K. Kormina, A. A. Panchenko, S. A. Shtyrkov (eds.) *Izobretenie re-*

Andrei Tiukhtiaev – postgraduate student, European University at Saint Petersburg, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (the Kunstkamera), Saint Petersburg, Russian Federation. Email: atiukhtiaev@eu.spb.ru

ligii: deskulyarizatsiya v postsovetskom kontekste [The Invention of Religion: Desecularization in the Post-Soviet Context]. St. Petersburg: Izdatel'stvo Evropeyskogo universiteta v Sankt-Peterburge: 163–185.

Arellano A. (2007) Religion, Pilgrimage, Mobility and Immobility. D. Raj, N. D. Morpeth (eds.) *Religious Tourism and Pilgrimage Festivals Management: An International Perspective*. Wallingford: CABI: 89–97.

Asprem E., Dyrendal A. (2015) Conspirituality Reconsidered: How Surprising and How New is the Confluence of Spirituality and Conspiracy Theory? *Journal of Contemporary Religion*, 30 (3): 367–382.

Barkun M. (2013) *A Culture of Conspiracy: Apocalyptic Visions in Contemporary America*. Berkeley, CA: University of California Press.

Barkun M. (2016) Conspiracy Theories as Stigmatized Knowledge. *Diogenes*: 1–7.

Beckford J. A. (2003) *Social Theory and Religion*. Cambridge: Cambridge University Press.

Bowman M. (1995) The Noble Savage and the Global Village: Cultural Evolution in New Age and Neo-pagan Thought. *Journal of Contemporary Religion*, 10 (2): 139–149.

Hanegraaff Wouter J. (1996) *New Age Religion and Western Culture*. Leiden: Brill.

Laruelle M. (2012) Conspiracy and Alternate History in Russia: A Nationalist Equation for Success? *The Russian Review*, 71 (4): 565–580.

Lewis J. R. (2010) The Science Canopy: Religion, Legitimacy, and the Charisma of Science. *Temenos. Nordic Journal of Comparative Religion*, 46 (1): 7–29.

Lewis J. R. (2012) Excavating Tradition: Alternative Archaeologies as Legitimation Strategies. *Numen*, 59 (2–3): 202–221.

Kulikova O. P., Trifonov V. A. (2001) Kak sokhranit' dol'meny [How to Preserve the Dolmens]. Y. Y. Piotrovskiy (ed.) *Dol'meny, sovremenniki drevnikh civilizatsii* [The Dolmens, Contemporaries of Ancient Civilizations]. Krasnodar: Krasnodarskoe knizhnoe izdatel'stvo: 92–103.

Markovin V. I. (1978) *Dol'meny Zapadnogo Kavkaza* [Dolmens of Western Caucasus]. Moscow: Nauka.

Melleuish G., Sheiko K., Brown S. (2009) Pseudo history / weird History: Nationalism and the Internet. *History Compass*, 7 (6): 1484–1495.

Seleznev A. G. (2014) Novaya mifologiya istorii: arkhetyip 'drevnikh tsivilizatsiy' i sakral'nyy tsentr v rayone derevni Okunevo [The New Mythology of History: The Archetype of 'Ancient Civilizations' and the Sacral Centre Near the Village of Okunevo]. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review], (5): 41–59.

Shnirel'man V. A. (2011) Arkaim: arkheologiya, ezotericheskiy turizm i natsional'naya ideya [Arkaim: Archaeology, Esoteric Tourism and National Idea]. *Antropologicheskii Forum* [Forum for Anthropology and Culture], (14): 133–167.

Shnirel'man V. A. (2013) Natsionalizm i arkheologia [Nationalism and Archaeology]. *Etnograficheskoye obozrenie* [Ethnographic Review], (1): 8–24.

Trifonov V. A. (2009) Dol'meny v doline reki Zhane [Dolmens in the Zhane river valley]. N. A. Markarov (ed.) *Arkheologicheskie otkrytiya. 1991–2004 gg. Evropeyskaya Rossiya* [Archaeological Discoveries. 1991–2004. European Russia]. Moscow: IA RAN: 115–128.

Wood M. M. (2013) *Possession, Power and the New Age: Ambiguities of Authority in Neoliberal Societies*. Burlington: Ashgate.